

Гвардии медвежонок

Однажды к лётчикам в истребительный полк приехали гости — колхозники с Севера. Они привезли подарки и стали одаривать своих защитников. Кому досталось полотенце с кружевом, кому бочоночек брусники, кому глиняный расписной олень. А Петру Алексееву достался медвежонок. Зверь был ручной. Он сразу же забрался к лётчику на колени, обнюхал по очереди пряжку на ремне, ордена, погоны и потянулся к пилотке с красной звёздочкой.

Алексеев погладил медвежонка, ссадил на землю. Лётчик немного растерялся: медвежонку нужен уход, присмотр, а когда этим заниматься, если с утра до вечера приходится летать? Может быть, вернуть его деликатно колхозникам?

Медвежонок будто чувствовал, что решается его судьба. Вёл себя он примерно. Во время разговоров лётчиков с колхозниками никуда не лез, никому не мешал. Под конец уснул, прижавшись к унтам Алексеева: унты меховые, тёплые.

«Пусть уж остаётся», — подумал Алексеев. Гости уехали. Тогда Алексеев решил познакомить Мишку с округой. Лётчик потянул за ремешок, привязанный к ошейнику, сказал: «Пошли, Миша!» — и медвежонок послушно потопал рядом с меховыми унтами. Сначала Мишка побывал в бараке, посмотрел, где живёт его новый друг. Потом вместе с лётчиком спустился в земляную щель, выкопанную на случай бомбёжки. Они там посидели минуты три, поглядывая на синее спокойное небо. К самолёту Мишка отнёсся равнодушно, будто уже сто раз видел его. Наверное, самолёт показался ему автомобилем особой марки. Автомобиль-то медвежонок знал хорошо, на нём он и к лётчикам ехал. Но вот когда заработал мотор истребителя и пропеллер погнал ураганный ветер, Мишка ужасно испугался. В одно мгновение он вскарабкался к лётчику на шею; лез по нему, как по сосне, запуская глубоко острые когти. Маленькие глазки медвежонка были полны страха, хвостик, похожий на лоскут, дрожал мелкой дрожью.

Уже далеко от самолёта, около куста бузины, Алексеев попытался спустить Мишку на траву. Не тут-то было! Медвежонок словно приклеился к лётчику. Пришлось отдирать по очереди все четыре лапы от гимнастёрки. Оказавшись на земле, Мишка неожиданно набрался

храбрости и, привстав на задних лапах, оглянулся на самолёт. Самолёт стоял на месте. Не гнался за медвежонком. Мишка успокоился. И куст этот стал для Мишки границей, за которую он впоследствии никогда не заходил. Пространство за кустом принадлежало самолётам — там они гремели, ревели, оттуда прыгали в воздух, а земля перед кустом была Мишкина. Так, видимо, рассудил медвежонок.

Пока Алексеев и Мишка ходили по аэродрому, другие летчики занялись устройством медвежьих дел. На вещевом складе достали ватное одеяло, постелили его в бараке недалеко от кровати Алексеева. Добыли большой солдатский котелок. Главное же, уговорили командира полка зачислить Мишку на пищевое довольствие. Хоть и маленький был Мишка, но медведь: еда ему требовалась хорошая.

— Как же его внести в продуктовую ведомость? — спросил писарь, когда лётчики пришли к нему с медвежонком. — Какое звание писать? Какую фамилию?

— Полк у нас гвардейский, — сказал самый находчивый лётчик, — и ваше звание, товарищ писарь, гвардии старшина, моё — гвардии капитан. А Мишкино будет — гвардии медвежонок. Так и писать надо. Что же касается фамилии, имени, тут совсем просто. Они у всех медведей одинаково-вые — Михаил Топтыгин.

Стал служить в истребительном полку гвардии медвежонок Михаил Топтыгин. Скоро он перезнакомился со всеми лётчиками, техниками, с охраной аэродрома. И, как оказалось, был всем очень нужен, просто необходим. На войне человеку бывает тяжело. Гибнут товарищи, в голову приходят печальные мысли. А тут прибежит медвежонок, неуклюжий, круглоухий, с любопытным носом-рыльцем — и все веселеют.

Кто-то приучил Мишку встречать лётчиков после боя. Возвращения самолётов ждут все оставшиеся на земле. Когда подходит время истребителю возвращаться на аэродром, все глядят в небо и радуются, заметив чёрную точку.

Мишка встречал самолёты около своего куста. Он стоял на задних лапах, столбиком. Правую переднюю лапу держал возле уха — отдавал честь. Лётчики, направляясь в штаб для доклада командиру, проходили как раз около Мишки и за такое усердие награждали его сладостями: кто сахаром, кто печеньем, кто кусочком шоколада. В дни, когда истребители часто вступали в бой, Мишка так наедался сладостями, что на котелок с пшённой кашей и не глядел.

Других лётчиков Мишка только встречал, Алексеева он ещё и провожал в полёт. Они вместе доходили до медвежьей границы. Алексеев чесал медвежонка за ушами и улетал, а Мишка оставался ждать. Словно человек, он смотрел в небо, вздыхал и, не зная, как скоротать время, кружился на одном месте, нюхал траву, копал в сухой земле корешки.

Видел и слышал Мишка лучше людей. Завидев, заслышав истребитель, Мишка от нетерпения и волнения садился на землю и через каждую минуту хлопал себя передними лапами по коленкам. Его блестящий чёрный нос был направлен точно в приближающийся самолёт — Мишка будто вынюхивал истребитель на расстоянии. Не было предела медвежьей радости, когда Пётр Алексеев подходил к Мишке, давал гостинец и тормозил его, и катал по траве...

Хорошо жилось медвежонку и лётчику!

Только на войне хорошо не бывает долго. Обязательно случится какая-нибудь неприятность, а то и беда. Как-то раз перед вылетом на задание Алексеев прощался с медвежонком. Он приласкал зверёныша и сказал:

— Не скучай без меня, если что...

И улетел.

Пётр Алексеев получил особое задание: высыпать на взлётную полосу немецкого аэродрома металлические шипы. С большой высоты шипы нельзя сбросить, они разлетятся далеко по сторонам. Надо сбрасывать, опустив самолёт почти до самой земли.

Не прячься от немецких наблюдателей, наш лётчик повел самолёт прямо на вражеский аэродром. На подходе к зенитным батареям, охранявшим аэродром, Пётр Алексеев сбавил скорость, снизился и выпустил колёса. Зенитчики удивились, что русский истребитель — целый, не подбитый — идёт на посадку, и не стали стрелять.

Самолёт с красными звёздами тихо летел над вражеским аэродромом. Но вдруг мотор взревел, и самолёт устремился ввысь. Фашисты ударили вдогонку истребителю из пушек, пулемётов. Они поняли, что наш лётчик обманул их, что он вовсе и не собирался садиться. Не могли фашисты понять только, зачем понадобился русскому истребителю такой странный, рискованный полет.

Скоро, однако, они разгадали загадку. На бомбёжку вылетели наши бомбардировщики. Их было много, десятков пять. Немецкие истребители покатались по взлётной полосе, чтобы взлететь в небо и напасть на тяжёлые, полные бомб машины. Но их резиновые колёса наезжали на железные шипы и лопались. Истребители падали набок, ломали крылья, перекувыркивались, загорались. Наши бомбардировщики без помехи разбомбили вражеские поезда на железнодорожной станции и благополучно вернулись домой.

А возвращение Петра Алексеева не было благополучным. Зенитный снаряд немцев разорвался рядом с его самолётом. Осколками тяжело ранило лётчика. Алексеев сам

сообщил об этом по радио. Он сказал, что самолёт исправен и он надеется довести его до места.

На аэродроме лишь медвежонок не знал о беде. Он с любопытством глядел, как на лётное поле бегут люди с носилками. А потом он увидел среди белых облаков истребитель. Мишка сел на землю и принялся хлопать себя по коленкам.

Истребитель неловко ткнулся в стороне от посадочного знака, запрыгал по полю, будто оно было изрыто канавами, и остановился. Медвежонок поднялся на задних лапах, приложил к уху переднюю лапу, стал ждать. Он ждал, когда к нему подойдёт его друг, угостит чем-нибудь.

Пётр Алексеев лежал на носилках. Он не видел Мишку, не видел друзей, которые несли его. Сознание оставило лётчика в ту самую минуту, когда истребитель замер посреди поля.

Носилки миновали медвежонка. Мишке было непривычно, что лётчик лежит, и он пошёл за носилками. На задних лапах идти было трудно. Но Мишка упорно ковылял за людьми. И около уха держал лапу. Ему полагался кусочек сахара. Он честно выполнял условие, по которому всегда получал угощение. Так он шёл и шёл, всё больше отставая от носилок, и в глазах его наливались слезы обиды и отчаяния. Хорошо, кто-то из лётчиков догадался сказать Мишке ласковое слово, погладил его, пожалел...

Кончалось лето, когда Пётр Алексеев приехал из госпиталя в полк. Первым делом он доложил командиру полка о возвращении в строй, а вторым делом спросил о медвежонке.

— Жив и здоров твой питомец, — ответил командир. — Сначала грустил, потом успокоился. Теперь, может быть, и не узнает. Он сейчас на своём посту. Дежурит. Сахар зарабатывает.

Алексеев пошёл к медвежонку.

— Мишка! — позвал он издали.

Медвежонок оглянулся. Он глядел и вспоминал этого лётчика. Старался понять, почему приятно слышать его голос, видеть его лицо. Вспомнить и понять мешал Мишке самолёт. Самолёт в это время шёл на посадку, медвежонку, чтобы получить угощение, надлежало быть начеку.

— Мишка! Злодей ты, а не человек! — ещё раз позвал лётчик.

Мишка был на распутье. Один глаз, одно ухо, одна половина медвежонка стремились к самолёту, другой глаз, другое ухо и другая половина — к лётчику. Если бы это было возможно, Мишка разорвался бы пополам и всюду успел бы. Но разорваться по своей воле

нельзя. Нужно было выбирать что-то одно. И медвежонок со всех ног кинулся к Петру Алексееву. Чёрным клубком он прокатился по высохшей траве и прямо затанцевал на задних лапах перед лётчиком.

— Ну, молодец! Ну, умник! — радовался Пётр Алексеев и гладил медвежонка, и трепал его жёсткий загривок. — А уж я решил, что ты способен променять друга на кусок сахара. Нет, ты не такой. Ты настоящий гвардейский медведь. А сахар? Подумаешь... Я тебе такое припас...

Тут лётчик достал из кармана куртки банку. Как только была снята с неё крышка, медвежонок обхватил банку всеми четырьмя лапами и принялся за угощение. Мишка урчал от удовольствия. Ещё бы! Первый раз за свою медвежью жизнь он ел мёд.